

84(2 Рос = Рус) 6(235. 55)

1782

Павел Проскуряков
ПОЛЫНЬ

кабинетный ученый
[kɐbɨn'etnyɪ utɕ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

PAVEL PROSKURYAKOV

SAGEBRUSH

Armchair Scientist
Ekaterinburg — Moscow
2020

84(2 Рос = Рус) 6 (235, 55)
П 82

ПАВЕЛ ПРОСКУРЯКОВ

ПОЛЫНЬ

16+

Кабинетный ученый
Екатеринбург — Москва

Муниципальное областное библиоте

2020

ББК 82/1
УДК 82-1/9
П82

Проскуряков, П.

П82 Полынь / П. Проскуряков. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2020. — 128 с.

ISBN 978-5-7584-0550-5

В книгу екатеринбургского поэта Павла Проскурякова «Полынь» вошли тексты, написанные совсем недавно. В них сохранились характерные для автора простота, народность, краткость и кротость перед жизнью, непосредственность узнавания, понимания и бесспорная поэтичность.

ББК 82/1
УДК 82-1/9

ISBN 978-5-7584-0550-5

© П. Проскуряков, 2020
© Кабинетный ученый, 2020

*Памяти
Николая Яковлевича Мережникова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Полынь» — третья книга стихотворений Павла Проскурякова, поэта истинно народного и в хронотопическом, и в культурологическом, и в литературном отношении. Эта книга замечательна тем, что в ней автор сумел соединить три основные составляющие любого словесного дара: во-первых, в книге установлен оптимальный объем проскуряковского стихотворения, которое в жанрово-стилистическом отношении представляет собой синтез основных жанров русского фольклора — плача, причета, частушки, песни, припевки и т. д. (в книге нет так называемых «культурно-массовых текстов» — стихи Проскурякова появляются на свет так, будто в современной ему литературе и стихотворчестве нет никаких брендов, трендов и мейнстрима; стихи эти практически невозможно назвать модными, поскольку они рождены не только человеком, но и землей, уральской деревней, уральскими этносами, природой и одновременно неистребимой традицией русской народной песни-песенки; и это не стилизация, как, например, у А. Дельвига, а скорее, прямое выражение духа народного и продолжение поэтики А. В. Кольцова, И. С. Никитина и др.; слава богу, в стиле и в стилистике Проскурякова нет так называемых есенинских ноток — Паша Проскуряков иной, он такой проскуряковский Проскуряков, но никак не ключевский, дрожжинский, есенинский; когда я слышу стихи Проскурякова, мне вспоминается абсолютно забытый поэт — неподражаемый Николай Глазков); во-вторых, в книге доминирует чувство опрощенного литературного вкуса, не безвкусия и не дурновкусия, а народно-поэтическое этико-эстетическое сознание, которое

осуществляет в процессе текстотворчества отбор языковых единиц, не противоречащих особому виду народно-поэтической гармонии; в-третьих, оптимальный объем и перво-родный вкус стихотворений определяют авторское чувство меры — поэтическая мера Проскурякова если не идеальна, то уж точно уникальна.

Стихи Проскурякова вызывают в крайней степени разноречивые чувства: улыбка, горечь, смех, слезы, безумный и бездумный хохот, глубокая задумчивость, разочарование и счастье — все эти состояния представлены в книге Проскурякова одновременно и одновременно.

Эта книга — не совсем книга, и не книжка, и не книжечка, и не дневник-дневничок, и не собрание версификационных экзерсисов, а стихотворная, поэтическая речь человека, переживающего свою смерть, свою жизнь, своего бога и свою любовь.

Юрий Казарин

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Все стихотворные тексты из книги «Полынь», за некоторым исключением, опубликованы в журналах «Урал», «Наш современник» и в «Антологии современной уральской поэзии».

Это моя третья книга стихов.

В предуведомлении ко второй книге (2014 год) было написано, что в поэзии я пытаюсь следовать трём принципам.

Но к 2020 году из них остался только один:

Неожиданное — воздух поэзии.

(Осип Мандельштам)

Предуведомление получилось коротким.

Я решил добавить вот это:

Голубое небо
закрывает вселенную,
чтобы мы
были безмятежны.

* * *

Презрев живых,
Пронзая твердь,
На нас
Сквозь звёзды
Смотрит
Смерть.

* * *

С неба звёздочка пропала —
поскользнулась и
упала.

* * *

Опять стихи читают люди.
Опять над миром тишина.
И, кажется, войны не будет,
а будет лишь любовь одна.

Иван-да-марья расцветает
в крапиве под моим окном.
В Шампани бочки ожидают,
чтоб их наполнили вином.

НЕНАПИСАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Андрею Дугину

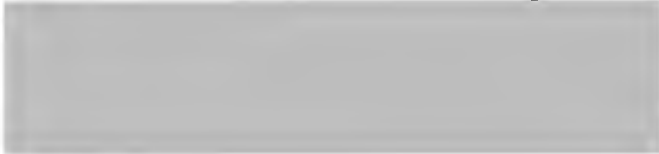
Если бы решился написать стихотворение
о Владимире Высоцком,
то написал бы о встрече с ним.
Что сидели тогда за одним столиком,
и пел я его песни.
Он хлопнул меня по плечу
и сказал:
— Дрянновато поёшь!
Потом провожал,
и, захмелевший, в метро дал он свой адрес
и обронил:
— Заходи запросто!..
Но понял я, что прийти
будет нельзя.
Всегда говорил друзьям,
что так оно и было.

СОВОК

Носки с трусами нюхал по утрам,
чтобы решить — носить их или в стирку.
И напевал он: «Хиннар-хиннар-ха»,
и заводил любимую пластинку.
Про Влади и коней Высоцкий пел,
и поднималась в сердце ностальгия.
Он про волков с Высоцким прохрипел
и выпил «за погибшую Россию».
На стенке профиль Сталина и флаг,
и прадеда портрет красноармейца.
Студенческий плакат: «А Хрущ — дурак!»,
и ниже авторучкой: «сука Ельцин».

* * *

Глаза прикрою
и считаю точки.
Их восемь,
нет, двенадцать.
Точно.

* * *

К Рождеству подарены
и с детьми нестроги
ёлочные ангелы,
игрушечные боги.

* * *

Помню семь или восемь сосен
на краю дореволюционного кладбища.
Огромные деревья, в три обхвата,
расширяли пространство
и были центром вселенной.
А потом какие-то сволочи
их вырубili.
Осталось одно мелколесье.
Пространство обмякло
и съёжилось.

Всю жизнь хотел навалить этим лесорубам.

* * *

Памяти С. А. Погодина

Лепил Господь из глины —
задел и уронил...

В низинке под рябиной
осколки схоронил.

* * *

Быть стыдно счастливым,
но я — ни при чём.
Другой сговорился с лукавым.

В нечистого плюну
за левым плечом,
и вздрогнет ангел
за правым.

* * *

естьспатьсрать
естьспатьсрал
естьспалсрал
елспалсрал

всё

* * *

Снова падает в мокро
снег,
смурной,
тяжёлый.
Греется его нутро.
Порваны подолы.
Ни прикрыть,
ни удержать.
Таять по приметам.
Лёд обратно в воду сжать
солнцем, взглядом, светом.

* * *

...сам себе
отворяю двери,
я по снегу бреду к мечте —
выбрать яблоко в темноте
и сорвать его
прямо с дерева...

* * *

—1—

У дерева две руки —
одна тянется в небо,
другая вырастает в землю.

Я, словно дерево,
одной рукой вырастаю в землю.
Второй — тянусь к небу.

—2—

Ангел прилетел
и сказал:

— Не бойся!

* * *

Зияет слово —
Ар-мат-ура.

Уходит сленг.

Ушла натура.

.

* * *

Поправлю оселком
железную косу
и, вскинув на плечо,
к покосу понесу.
Сам сделать не могу
ни глину, ни траву.
Спасибо, что живой.
Спасибо, что живу.

Лопату наточу,
прилажу черенок
и с маху расшибу
в прах глиняный комок.
Но сделать не смогу
ни глину, ни траву.
Спасибо, что живой,
спасибо, что живу.

* * *

Мёдом запахли весенние дни,
склон зажелтел и сад.
Плавают селезни в речке одни,
утки на гнёздах сидят.
Выбрать мне надобно праведный путь,
мимо пройти,
не стоптать, не спугнуть.
Тропку я знаю такую одну,
к речке спущусь,
на скамейке усну.

* * *

Ласточка крылом заденет
тучу — ливень упадёт;
и зерно в земле сомлеет,
опьянеет, оживёт.

Выползет, зашевелится
червь намокший, дождевой;
захлебнётся, чтобы слиться
с чернозёмом и травой.

* * *

Воистину мои
судьба,
стихи,
могила;
да жёлтые цветы,
да сорная трава.

Не мать моих детей,
которую любил я,
пусть помнит и простит,
покудова жива.

БАЙКА

Я родом из маленькой деревни.
Мои земляки любили мёд и бананы.
Стояла за околицей берёзовая роща,
толстые, крепкие деревья,
самое груздёвое место.
Рощу извели на дрова
и посадили бананы.
Деревни давно нет.
И бананы не выросли.

БАЙКА

Один мой друг строит дом
и мечтает сочинять песни.
Говорит, что будет стыдно перед богом
за погубленный талант.
В доме есть комната для студии.
Другу шестьдесят лет.
Он построит дом
и запоёт.

* * *

Чётные числа
Поделим на два.
Папа мой умер,
А мама жива.

Всё понимаю,
Но Бога молю,
Чтобы ответ
Не равнялся нулю.

* * *

Леониду Баранову

Вышли на крылечко
двое человечков,
старых человечка
вышли на крылечко.
Вышли за ограду
и всему-то рады,
не закрыв ворота,
вдруг вернётся кто-то.

Вспять поворотиться
не дала им старость.
Мне на память блюдце
звонкое осталось.
Выгнутый орнамент,
под глазурью кобальт.
Влага, глина, пламень,
звук был долгим чтобы.

* * *

Всё стирается легко.
И сотрётся.

Кто стреляет в молоко —
тот спасётся.

* * *

Выстыл божий лес,
вымерзла дорога.
Одному идти
боязно немного.
Снег и тишина,
тишина. И вдруг
собственных шагов
испугает звук.
Встану, затаюсь,
буду небо слушать,
еле слышный звон
успокоит душу.

* * *

...она кружилась, улыбалась
под песню некую без слов,
я не дышал,
ведь мне казалось,
что там, под платьем,
нет трусов...

* * *

Жизнь прожили без затей
для внуков и для детей.
По месту.
В дальние дали
не ездили,
не улетали.
Здесь было у них всё своё
и проще простого житьё.
И так далеко до границ
для не улетающих птиц.

* * *

Так сосны хорошо
на кладбище растут,
но чёрные стволы
их с корнем выдают.
Как будто бы они
испачкались в угле,
что каменным зовут,
когда найдут в земле.

По кладбищу иду,
кругом черным-черно,
но, кажется, живых
нас больше всё равно.

* * *

Копаем прадеду могилу.
Из рук моих уходят силы.
Смозолило ладонь лопатой.
Пацан я в шестьдесят девятом.
О смерти думаю едва ли.

В том мае мы с отцом копали
по жизни первую могилу.
И мне ещё не страшно было.

О КОНФЕТАХ

В парнях жил в Ревде, на улице Калинина, у кладбища. Мама и теперь живёт в этом доме. Думал, что улица названа в честь ягоды калины.

Мимо каждый день проходила похоронная процессия с духовым оркестром. Музыканты были слепыми, под руки их вели женщины и дети.

Летом пацаны с Калининой, Клубной и Ленина собирались у кладбища. На могилах люди оставляли конфеты, а кто-то и деньги. Брал я шоколадные и барбариски, знал, что и рубль могут оставить на перекладине креста. Карманы были набиты конфетами, водились деньги.

Мы бились с барановскими. Раз проверял кресты и напоролся на барановских. Гнались они за мной до самых кладбищенских ворот.

На поляне наши гоняли в футбол, и я не бежал уже, а шёл медленно. Барановские постояли и ушли восвояси.

А потом родился Эрос.

* * *

У нас ведь не земля — суглинок,
и в нём полным-полно песчинок.
А немудрёные растенья
цветут недолго, со стеснением.
Лес на холме похож на остров,
он высится до неба просто.
Без моря остров и без чаек
и всё-таки необычаен.

Летают мыши над картошкой.
А море вычерпали ложкой.
Камнями вымошу я вскоре
дорогу к северному морю.
Топчу суглинок башмаками,
песчинки превращаю в камни.
Потяжелели от суглинка
два стоптанных моих ботинка.

* * *

...ходил бы, как Толстой, за плугом
и Пушкина бы числил другом,
ел по утрам с вареньем кашу
и в жёны взял себе Наташу...

* * *

Пообтрепались мои рукава.
В раю, наверно,
гуще трава.
Паду я навзничь в гущу,
в траву.
Спасти попробуй,
вдруг оживу.
Болотной мёртвой,
живой ключевой.
Икринки в мёртвой
и пусто в живой.
В густой траве
на самом краю
глаза открою
и запою.

* * *

Быть беспечным
жить без печки
в холодину
прислонить бы спину
к тёплому камину
пальцы стынут
не могу никак поссать
буду плакать
плакать и плясать

* * *

Я замкнул себя в этом пространстве.
Речь о родине,
о постоянстве.
О поэзии,
об языке.
О Шайтанке,
холодной реке.

* * *

Закончилось дыхание дождя.
Был ливнем,
а стал маленький такой.
И, в сторону лощины уходя,
с простором слился, с небом и рекой.
Не нужно мне сегодня поливать
осиротелый мамин огород.
Всё захирело,
из земли опять
осот непобедимый так и прёт.

ПЕСЕНКА

Не хочу быть
слепым стариком,
не хочу быть слепым
стариком.

Не хочу быть слепым,
не хочу быть слепым,
не хочу быть
слепым стариком.

Но я стану слепым
стариком,
но я стану
слепым стариком.

Но я стану слепым,
но я стану слепым,
но я стану слепым
стариком.

ПЕСЕНКА

Разгорается огонь.
Гармонист я,
Ты — гармонь.
Я сыграю для души
Плясовую,
Ты — пляши.
Родилась ты для меня,
Как травинка для коня.
Выброшу из головы.
На лугу
Полно травы.

* * *

А у мамы были вши.
Все в деревне были вшивы.
Баня, веники с крапивой,
щёлок, гребни и ножи.

Любит вша войну и кровь.
Может, нас ещё догонит,
как случайная любовь
в спящем пахнущем вагоне.

* * *

В странном сне уподобился богу
(душу может увидеть лишь Бог),
взял копирку,
души недотрогу
угольком перевёл на листок.
Лишь едва-едва различима
и размыты её края.
Как вселенная,
непостижима,
и небесная,
и моя.

* * *

Отца не стало.
И вот я с краю
стою у бездны,
раскинув руки.
И в день счастливый
я улетаю,
ведь живы дети
и живы внуки.

Душа не птица —
не возвратится
и не поймает.
Стоишь и руки
то поднимаешь,
то опускаешь.

* * *

Ю. К.

Назовём эту горсточку
прахом,
а вон ту, ещё тёплую,
пеплом.

И песком назовём
эту вечность.

Что не названо,
исчезает,
не назвал,
и сразу пропало.

* * *

Ну, а Новый год,
ёлка и вообще...
Бабушка придёт
в выцветшем плаще.
Скажет: «Милой сын», —
про тебя опять.
И от смерти жизнь
спрячет под кровать.

* * *

Наталье Гордеевой

Там в нашей деревне снега да снега
и нет ни избы, ни забора.

И ходит свободно по кругу пурга,
и нечего спрятать от вора.

Колодец остался, и ёлка стоит
(ствол толстый — моих два обхвата),
в снегу колея, и водица бежит
в ведро из ведра виновато.

В крови, говорят, остаётся
вода из родного колодца.

* * *

Сама колола овец, свиней и коров,
но не убивала комаров.
Зря не топтала травы, не рвала цветов
и всегда держала собак и котов.
На всё про всё ей хватало сил,
был полон двор и лопат, и вил.
Всю жизнь любила «ростить» цветы
и была мудрее, чем я и ты.

* * *

И ёлка стоит,
и салат готов.
И лампу нашёл Аладдин.
А из шести
любимых шаров
остался только один.
На шаре Восток, Бухара, курага,
«сим-сим»,
«силабим-силабим».
Неси осторожно за нитку, рука,
расстаться мне боязно с ним.

* * *

А снег такой хороший,
и дерево хорошее.
И тень его ветвистая
на белом на снегу.
Снег чистый,
как начало
всего того хорошего.
Прости меня,
хорошая,
я умереть могу.

* * *

Жить один не умею,
сам с собой говорю.
Смерть свою я лелею,
за божничкой храню.

* * *

От горечи нам
сладкая кутья.
Ахиллом никогда
не стану я.
Проходит жизнь.
Я — Гектора жалею.
Но моего нет
в списке корабля.

* * *

Я взял его ещё котёнком.
Мыл, блох руками выбирал.
Он другом был, со мной гулял
по тёмным улицам посёлка.
Пятнистым был и звался Фомкой.

Пришлось на «срочную» пойти.
Кота мы бросили на дачах.
Прошло сто лет, а я всё плачу
и не могу себя простить.

* * *

...здесь люди живут, потерявшие страх,
и церкви возводят на старых местах...

* * *

Сталин и теперь
Стальнее всех стальных.
Сталин — он
Стальнее остальных.

* * *

Пожить подольше каждый тешится
и гонит от себя заразу.
Отец по пьяни бегал вешаться,
но не повесился
ни разу.
В петлю он голову совал,
мы дико плакали,
кричали.
Он драматически молчал.
Пел арию одну и ту же:
— О, дайте, дайте мне свободу...
Пугать нас
потерял охоту.
И пел всё реже
и всё хуже.

* * *

Сосед играет на трубе,
а может быть, на флейте
немую песню о себе,
а может быть, о смерти.
Так грустно флейте и ему...
Хоть песня прекратилась,
сизу и плачу
потому,
что песня получилась.

21 мая 2017 года

* * *

Чернику подарил июль.
И бабушка к реке спустилась,
за куст у края зацепилась,
чтоб наклониться и попить.
А мне хотелось вечно жить.
Тысячелетьями, веками
с ладошки пить
и в лес ходить
по ягоды и за грибами.
И никого не хоронить.

ПЕСЕНКА

Ушла, унесла
Подушку с одьялом.
Не стало тепла,
Уюта не стало.
Ссориться не с кем,
Не с кем мириться.
Можно спокойно
Сесть и напиться.
Больше не буду
Тебя никогда.
Скажи: поезда, поезда, поезда.

* * *

Придумаю свой мир:
дом и земли клочок;
гераней насажу
и чесноку чуток.
Наставлю в доме книг,
навешаю картин;
дам кошке молока
и буду жить один.
Под богом в облаках.

* * *

В оконное стекло
влепилась птица.
Отпечатан след
и лапок,
и хвоста,
и крыльев.
Кто ж гнался так за ней?
Неужто сатана!
Хоть лоб перекрестить.

* * *

Вот бы лета да тепла,
да гороху,
да малины.
Мама в холод
под холстиной
яблоню уберегла.
Яблоков ещё дождусь,
нележалых,
 скоропортов.
Март,
весна идёт нетвёрдо.
Выйду,
разом провалюсь.
Тает поскорее пусть.

* * *

Чужая земля,
здесь, на диво,
репей не растёт и крапива.
Не ставят домов деревянных,
и нету ворон, как ни странно.
Жара,
и летают жар-птицы.
А мне бы хватило синицы.
У самого синего моря
сидела б она
на заборе.

* * *

—1—

Много лишнего дождя.
То надует,
то раздует.
Гром,
и молнии рисуют,
в преисподнюю светя.
Раз гремит, идёт с теплом,
к вёдру нам даёт посулы.
Кружки выставим на стуле,
дождевой воды попьём.

—2—

Высохли сапоги
в разных углах,
как враги.
И посерело окно,
снега дождалось оно.
С ночи идёт снегопад,
русский всегда ему рад.
Перемело пути,
немцу сюда не дойти.

* * *

Четыре минуты,
как умер.

Лежу,
привыкаю быть мёртвым.

* * *

*Памяти
Владимира Ростилова*

Мёртвые пахнут потом.
Смерть такая работа —
вечно лежать на месте
по одному
и вместе.

* * *

Ночь скоротаю у огня,
сгустится мгла вокруг меня.
Костёр погаснет в полумгле,
и посветлеет на земле.
Продрогну утром у воды,
увижу на воде следы.
Наступит благостный покой.
До Бога тут подать рукой.

* * *

Быть мне «грядущим хамом».
Жить не с женой,
с волчицей.
Нету такого храма,
где б я хотел молиться.

* * *

Дочке подарил богатыря
из папье-маше,
с мечом бумажным.
Богатырь сжимает меч не зря,
а чтоб защищать её
отважно.
У него ещё картонный щит.

Может быть, и правда
защитит.

* * *

Без шторок в огород окно,
тревожно и темным-темно.
Отец умерший появился
в окне
и пальцем погрозил.
Предостерёг,
предупредил.
Напомнил о себе,
приснился.

* * *

Вороний окрик
на ветках мокнет.
Трещат сороки,
разбудят многих.
Звенят трамваи,
людей сзывая.
Звон колокольный,
молиться больно.
Пойду на крышу
и всех услышу.

* * *

*Памяти
Ольги Штукатуровой*

...у ворот стоять
с женой за руку держаться
сгорбленная
я смешной
с бородой кержацкой
и сказать ей
как во сне
ждать мол
буду на Луне...

* * *

Сколько Бог велит,
Сидя просижу.

А потом ещё
Лёжа пролежу.

* * *

Вообще, я лучший на свете
убивальщик мух.

Разведу руки над местом,
где она сидит,
и бью в ладоши.

Сто мух из ста,
ни единого промаха.

И вдруг ни с того ни сего
стало жалко мух убивать.

Ползёт по ноге,
потом по руке и плечу.

Терплю, ничего не делаю.

Встаю, открываю окно
и гоню полотенцем на улицу.

Жалею.

Старею

ПЕСЕНКА

Стою в траве,
по мне ползут клещи,
и комары вокруг меня летают.
Слепни и оводы за ними подъедают.
Прошу тебя,
не жди и не ищи.

* * *

Два дерева
и стая птиц,
и мир из образов и лиц.
Кругом трава,
вокруг листва,
восход
и солнце лишь едва.
Вот я проснулся и не сплю
и всю вселенную люблю.
Так пахнет скошенной травой,
как будто кровью
неземной.

* * *

...своим хозяйством жить
и в слякоть
втихую от жены
напиться
читать Есенина
и плакать
и Богородице молиться...

* * *

Папа говорил, умирая:

— Видишь могилу?

— Нет...

— Вот она, вот...

— Видишь Бога, он плачет?

— Почему?..

— Меня к нему не пускают!

* * *

Постигну немоту и слепоту
и в темноте увижу темноту,
и буду в снах нестрашных появляться
у самых близких
изредка,
лет двадцать.

* * *

Закат,
и окна золотые
во всех домах,
по всей России.
А мы такие молодые,
длинноволосые, худые.
И я длинноволосый тоже,
и сколько проживу,
Бог знает.
Вот ящерка сидит на коже,
пригрелась и не убегает.

* * *

*Памяти
Анатолия Новикова*

Однажды друг сказал
тому назад лет пять:
— Я сосны не люблю,
под ними мне лежать.
Три месяца лежит
на пустоши лесной.
И нет пока сосны
с ним рядом ни одной.

* * *

В этой бережной тиши
Бог всё делает негромко.
Приглушает лай собак,
крик ворон,
и стук,
и бряк,
чтоб не разбудить
ребёнка.

* * *

Я умел колоть дрова.
Я умел доить корову.
Мама, ты ещё жива,
научи меня по новой.

Нет, сынок, коров и дров,
лесом заросли покосы.
И про смерть, и про любовь
выплаканы наши слёзы.

* * *

А мама бродяг привечала.
Пускала их в дом,
кормила.
Молчала,
не говорила.
Не знали про это сначала.
Обстирывала понемножку,
давала с собою картошки.
Её называли порою
и дуροю,
и святою.
Бродяги ей стали как дети.
Но слишком их много на свете.
И только мы с братом знаем,
как трудно,
когда мать святая.

* * *

Пила:
Давай, давай, давай!
Топор:
Даю!
Даю!
Даю!
Пила:
Давай, не отставай!
Топор:
А я
не отстаю!

* * *

Иду я в валенках,
и жить так хочется,
и щёки нужно пальцами теплить.
Полынь пожухлая
в снегу топорщится.
А мне так хочется сегодня жить.

* * *

Я устал и простужен,
никому,
кроме Бога,
не нужен.
Не хочу, но старею,
и молиться
совсем не умею.

* * *

Всё зашевелится,
запустится.
На грядки прилетит капустница.
В крапиву залетит крапивница.
Трава до пояса поднимется.
И дождик вовремя пойдёт.
И будет всё,
как в прошлый год.

* * *

Ю. К.

Выйду,
а дождик мочит,
слабенько так,
не очень.
Есть, говорят, примета —
маленький дождь до рассвета.
Выйду да и заплачу,
тоненько так,
по-собачьи.
В дождик никто на свете
слёз этих не заметит.

* * *

Надежде Болтачёвой

Дерево думает,
дерево дышит,
дерево слушает,
дерево слышит.
Дерево — лес,
когда вместе и рядом.
Каждое дерево
меряю взглядом,
чтобы увидеть,
как высится лес
каждой вершиной
до самых небес.

* * *

Зеркало и окно
высветлили друг друга.
Вместе они заодно —
там и здесь кружится вьюга.
Если я подойду
к зеркалу —
вьюга уймётся,
и за спиною в окне
сразу появится солнце.

* * *

Там у нас всегда
на чердаке
воробьи летали
в холодке.
Всё прошло.
Прошёл и детский страх,
что сидел по вечерам
в кустах.
Больше
не вернулись в этот дом,
и часы
остановились
в нём.

* * *

В морге, при горбольнице,
сам отца обряжал.
На постоянное место
я его соборовал.
И не боялся,
рубашку, не разрезая, надел.
Вместо молитвы песню,
его любимую, пел.

Про хозяйку молодую
и буланого коня.

* * *

Эдуарду Гуревичу

Рисую лодку,
забываю отражение,
и лодка застывает
без движенья.
Кричу в ущелье,
чтоб отозвалось,
но эхо не пришло,
не родилось.

Спрошу у птицы,
почему летает;
у дерева, а почему растёт.
И у цветка,
зачем он расцветает.
У Господа,
зачем он всех спасёт.

* * *

Жила горбатая Арина,
всех старше чуть не вполовину.
Она на камешке сидела,
на «горемышных» нас глядела.
Была горбатого дельфина
добрее бабушка Арина.
Не привелось увидеть ей
царей, дельфинов и морей.

* * *

...есть заповедные места,
где мы опять
распнём
Христа...

* * *

Мёрзну на волглом ветру.
Может, сегодня умру.
Может быть, умер вчера.
Это такая игра
в «умри, замри, отомри».
Я оживу
на счёт «три».
Может, хотя бы на миг
вспомню удмуртский язык.

* * *

Вот стою,
как последнее чучело,
и боюсь подойти
к тебе я.
Подрочу втихомолку
при случае
и представлю,
что ты моя.

* * *

Сбудется многое
или случится,
если удастся
на свет появиться.
Яблоки вырастут,
дыни созреют.
Жёны сердитые
вдруг подобреют.
И разнотравьем
вдруг станет бурьян:
клевер с полынью,
пустырник,
дурман.

* * *

Последней спеет рябина.
Последней полынь цветёт.
Шиповник пурпурные ягоды,
последние, раздаёт.
Уже не сыскать земляники,
а было её завались.
Шиповник склюют,
рябину несладкую
стану грызть.
Так жалко, что жизнь прошла.
Спою:
— Ра-лу-ла, ра-лу-ла...
И буду вдыхать полынь,
глядеть в небесную синь.

* * *

А на рыбалку
я хожу в России.
Пройду лесок
и попаду к реке.
Не научусь
вязать узлы морские
и говорить
на португальском языке.

* * *

Позвали ангела,
и он теперь летает
над городом
да над Москвой-рекой.
Увидит,
что мы храмы подлатали,
не проиграть чтоб
этот вечный бой.
Нам, маловерным,
ангел и не нужен,
а он всё кружит над Москвой
и кружит.
И собирает по церквям записки
про десять лет
без права переписки.

* * *

—1—

Траву на поле
сжигает солнце.
На жгучем солнце
темнеют лица.
Всё ближе к солнцу
летают птицы.

—2—

Устал,
лежу в траве,
вороны каркают.
Поднялся —
каркать перестали.
И солнце утомляет,
если жаркое.
Вороны ждут,
товарищ Сталин.

* * *

В старых брюках
нашёл билет
трамвайный,
ему тридцать лет —
семь пять семь
девять четыре шесть.
Посчитал,
можно теперь и съесть.

* * *

Снег грязный,
а вода — святая.
Она замыслила побег.
Трава под снегом прорастает
и колет в пятки этот снег.

Вода бежала,
пробивалась
под песню некую без слов.
Кружилась,
и воде казалось,
что снегом
не бывать ей вновь.

* * *

Пишу стихи
на глиняных табличках,
на солнце обжигаю
на века.

Пишу стихи
о речке и о птичках.
Никто их не читает
ни фига.

* * *

Ёлку убираю,
и тоска словно ниоткуда
навалилась...

Тихо превращаюсь в старика.
И жена
в старуху
превратилась.

* * *

Март.
Ярче свет,
зимы разруха.
Проснулся,
сон запоминаю.
Стареет кошка вместе с нами
среди моих воспоминаний.
Поднял глаза —
летает муха!
Ну вот,
и мухи оживают.

* * *

Я клялся не тебе,
а другой.

Я любил её.

И клялся не я,
а другой.

Он любил тебя.

* * *

Для меня двадцатый век
не прошлое столетие.
В этом веке появился
в первый раз на свете я.

Мне там солнышко светило,
дождичек накрапывал.
Там Высоцкого любил,
Жеглова и Шарапова.

* * *

Злате

Поседелый одуванчик
раскрывает чемоданчик,
делится с землёй и с нами
золотыми семенами.

* * *

Веронике

Узенькая лесенка
и улица видна.
У меня есть песенка
на всю жизнь одна.

Выйду я по лесенке
на улицу опять,
буду эту песенку
тихонько напевать.

* * *

Александру Пяткову

Мой крёстный любил выпить.

Мечтал:

вот бы землетрясение!

Прибежал бы он к магазину,

набрал

сколько хочешь водки

и напился б.

И вот однажды

что-то и вправду рвануло!

Примчался он к магазину,

увидел развалины

и не нашёл

ни одной целой бутылки.

Так

разбиваются

мечты.

* * *

Компьютер фамилии:
Пригов,
Гандлевский,
Фанайлова,
Стратановский,
мою
и другие
подчёркивает красным,
как ошибочные.

А Пушкин,
Жуковский,
Тютчев,
Блок,
Маяковский,
Мандельштам,
Заболоцкий,
Цветаева,
Ахматова — нет.

МНЕНИЕ

Верстаю сейчас для «Журнального зала» ноябрьский «Урал» — проза-стихи-проза-стихи-проза-стихи; ну ладно, думаю, читателя прозы я ещё могу представить. А как с поэзией быть? Её, судя по статистике «Журнального зала», не очень-то и читают, если это не Кушнер-Кенжеев-Павлова и ещё из десятка имён. Но пишущих стихи — говорю как редакционный человек — у нас сейчас о-го-го сколько! Но авторы их именами так и не становятся. Поэзия не является сегодня — опять же беру статистику чтения — пищей насущной. А ведь поэзия — это сердцевина литературы, это её самое сокровенное; стихи требуют особой сосредоточенности и наличия воспитанного чтением особого органа, который делает стихи необходимыми. То есть поэтов я вижу, читателей поэзии — почти нет.

Вот это всё я думал, завёрстывая очередное неведомое для меня имя (Павел Проскуряков), название стихотворной подборки, а потом и сами стихи заливая в соответствующее верстовое окошко, и глаз мой цепляется за строчку: «Пишу стихи», — во-во, подумал я, и я про то ж, и, остановивши свой трудовой процесс, читаю дальше:

Пишу стихи
на глиняных табличках,
на солнце обжигаю
на века.

Пишу стихи
о речке и о птичках.
Никто их не читает
ни фиги.

А?! Бывает же так, чтобы двое порознь выдохнули одно и то же!

А Проскуряков — поэт. Действительно. Вот ещё стишок из его подборки:

Выйду,
а дождик мочит,
слабенько так,
не очень.
Есть, говорят, примета —
маленький дождь до рассвета.
Выйду да и заплачу,
тоненько так,
по-собачьи.
В дождик никто на свете
слёз этих не заметит.

Сергей Костырко, декабрь 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Предуведомление	9
«Презрев живых...»	11
«С неба звёздочка пропала...»	12
«Опять стихи читают люди...».....	13
Ненаписанное стихотворение	14
Совок	15
«Глаза прикрою...»	16
«К Рождеству подарены...»	17
«Помню семь или восемь сосен...»	18
«Лепил господь из глины...»	19
«Быть стыдно счастливым...».....	20
«Естьспатьсрать...»	21
«Снова падает в мокро...».....	22
«...сам себе отворяю двери...»	23
«У дерева две руки...»	24
«Зияет слово...».....	25
«Поправлю оселком...»	26
«Мёдом запахли весенние дни...»	27
«Ласточка крылом заденет...»	28
«Воистину мои...»	29
Байка.....	30
Байка.....	31
«Чётные числа...».....	32
«Вышли на крылечко...».....	33
«Всё стирается легко...».....	34
«Выстыл божий лес...»	35
«...она кружилась, улыбалась...»	36
«Жизнь прожили без затей...»	37
«Так сосны хорошо...».....	38
«Копаем прадеду могилу...»	39
О конфетах	40
«У нас ведь не земля — суглинок...»	41
«...ходил бы, как толстой, за плугом...»	42

«Пообтрепались мои рукава...»	43
«Быть беспечным...»	44
«Я замкнул себя в этом пространстве...»	45
«Закончилось дыхание дождя...»	46
Песенка.....	47
Песенка.....	48
«А у мамы были вши...»	49
«В странном сне уподобился богу...»	50
«Отца не стало...»	51
«Назовём эту горсточку...»	52
«Ну, а Новый год...»	53
«Там в нашей деревне снега да снега...»	54
«Сама колола овец, свиней и коров...»	55
«И ёлка стоит...»	56
«А снег такой хороший...»	57
«Жить один не умею...»	58
«От горечи нам...»	59
«Я взял его ещё котёнком...»	60
«Здесь люди живут, потерявшие страх...»	61
«Сталин и теперь...»	62
«Пожить подольше каждый тешится...»	63
«Сосед играет на трубе...»	64
«Чернику подарил июль...»	65
Песенка.....	66
«Придумаю свой мир...»	67
«В оконное стекло...»	68
«Вот бы лета да тепла...»	69
«Чужая земля...»	70
«Много лишнего дождя...»	71
«Четыре минуты...»	72
«Мёртвые пахнут потом...»	73
«Ночь скоротаю у огня...»	74
«Быть мне «грядущим хамом»...»	75
«Дочке подарил богатыря...»	76
«Без шторок в огород окно...»	77
«Вороний окрик...»	78
«...у ворот стоять...»	79
«Сколько Бог велит...»	80
«Вообще, я лучший на свете...»	81
Песенка.....	82
«Два дерева...»	83
«...своим хозяйством жить...»	84

«Папа говорил, умирая...»	85
«Постигну немоту и слепоту...»	86
«Закат, и окна золотые...»	87
«Однажды друг сказал...»	88
«В этой бережной тиши...»	89
«Я умел колоть дрова...»	90
«А мама бродяг привечала...»	91
«Пила: Давай, равай, давай!...»	92
«Иду я в валенках...»	93
«Я устал и простужен...»	94
«Всё зашевелится...»	95
«Выйду, а дождик мочит...»	96
«Дерево думает...»	97
«Зеркало и окно...»	88
«Там у нас всегда...»	99
«В морге, при горбольнице...»	100
«Рисую лодку...»	101
«Жила горбатая Арина...»	102
«Есть заповедные места...»	103
«Мёрзну на волглом ветру...»	104
«Вот стою...»	105
«Сбудется многое...»	106
«Последней спеет рябина...»	107
«А на рыбалку...»	108
«Позвали ангела...»	109
«Траву на поле...»	110
«В старых брюках...»	111
«Снег грязный...»	112
«Пишу стихи...»	113
«Елку убираю...»	114
«Март...»	115
«Я клялся не тебе...»	116
«Для меня двадцатый век...»	117
«Поседелый одуванчик...»	118
«Узенькая лесенка...»	119
«Мой крёстный любил выпить...»	120
«Компьютер фамилии...»	121
Мнение	122

Литературно-художественное издание

ПАВЕЛ ПРОСКУРЯКОВ

ПОЛЫНЬ

Редактор *Юлия Кокошко*

Верстка *Евгении Язвенко*

Издатель *Федор Еремеев*

Подписано в печать 21.08.2020.
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 6,72.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 744.

Издательство «Кабинетный ученый»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в АО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

280=

ISBN: 978-5-7584-0550-5

Павел Простяков

ПОУБИИ